

Вернитесь с Канарских островов

Помнится, году в 1980-м четверо советских режиссеров и один сценарист, аз грешный, показывали свои фильмы в Париже, в Национальном центре кинематографии. Учреждение под таким солидным названием располагало зальчиком мест на 150, где собирались приглашенные — частью, вероятно, кинематографисты, частью их родственники или знакомые, в общем, ни одного известного лица. После фильма, на приеме, один из моих коллег по делегации, режиссер, спросил у устроителей голосом несколько обиженным:

— А что за публика? Я что-то не вижу ваших режиссеров! Где Трюффо, где Годар, где Лелюш?

Ему объяснили:

— Видите ли, мсье, режиссеры, которых вы имеете в виду, не посещают просмотры. Если они в Париже, то заняты работой, снимают фильмы, если же свободны, то отдыхают где-нибудь на Канарских островах. Что им здесь делать?

Я тогда, признаться, огорчился за французов. То ли дело у нас: пришел в Дом кино — и увидел всех! А уж в Болшеве, в старом нашем Доме творчества, кого только не встретишь: весь цвет кинематографа — от Юткевича и Райзмана до Гены Шпаликова и Галича с гитарой в былые времена... Завидуйте, французы!

Конечно, я и тогда уже догадывался, что тяга в общественные места возникает скорее всего на фоне личной неустроенности и беззащитности и что с решением, в частности, жилищного вопроса на индивидуальном уровне — а к этому шло, скорее всего, опустеет и болшевский дом. Так оно, в общем, и получилось. Дом постепенно пустел, а ныне его и вовсе нет: вот уже второй год его перестраивает какая-то итальянская контора — то ли для себя, то ли для нас. В Доме кино на Брестской как раз все в ажуре, но народу поубавилось: кончилась эпоха закрытых просмотров, да и интереса друг к другу, что и говорить, поменьше — приближаемся к французам. И то сказать, с временем напряг, время — деньги. Время — дефицит. Так много всего вокруг. И лишнего в том числе. Отсекаем лишнее.

Забавная история. Один мой старый приятель, питерский режиссер, выйдя на пенсию и заскучав, взял да и позвонил однажды знаменитому поэту, с которым они когда-то где-то то ли путешествовали, то ли выпивали вместе; набрал номер, услышал голос и — предался воспоминаниям. «Мы с вами живем в разных ритмах», — прервал его поэт и положил трубку... Конечно, в этой истории порицания заслуживает скорее беспечный пенсионер, чем занятый по горло поэт. А все-таки... а все-таки жаль обоих...

Пишу эти заметки под впечатлением сравнительно недавнего факта. Хоронили Юлия Яковлевича Райзмана. Один из последних оставшихся корифеев, признанный классик кинематографа прожил долгую и безупречную жизнь. Этот человек не писал книг и статей, не выступал на собраниях, не состоял в партии, не преподавал — всю

жизнь он занимался одним-единственным делом: снимал фильмы. Еще десять лет назад, в возрасте 80 лет, он снял свою последнюю картину «Время желаний», в которой нет и тени усталости или равнодушия... И вот — похороны. Дом кино, венки, речи. Но отчего же так мало народа? Один из ораторов — а было сказано немало прочувствованных слов над гробом — выразился в том смысле, что пришло нас немного, но именно те, кто должен был прийти. И это правда. А все же! Где артисты, называвшие покойного мастера самым актерским режиссером? Где коллеги по цеху? Их раз, два — и обчелся. Иных уж нет, увы, другие состарились, а на дворе холодно и такси не возьмешь. Ну а молодые? Победители сегодняшних «Ник», завсегдатаи «Кинотавров», цвет и надежда молодой режиссуры и сценаристики? Кто-то из них, быть может, и не был лично связан с почившим мастером, но имя-то слышал, фильмы знает? Да хоть бы просто из корпоративного чувства прийти и положить цветок, постоять над гробом — не догадались? Не созрели?

Вот как раз о корпоративном чувстве и подумалось. Что же у нас с этим на сегодняшний день? Еще вчера, десять лет назад, нас, незащищенных, держала всех вместе энергия сопротивления. Беззащитными перед лицом государства — кормильца и поильца, работодателя и цензора — были все, от маститых до начинающих. Кто бы ты ни был, хоть трижды Тарковский или Шукшин, требования к тебе были те же, что и ко всем, и санкции те же. На пресловутой «полке», рядом с фильмами начинающих лежали картины Панфилова и Германа, Климова и Муратовой. И общая несвобода спланивала нас. А общая свобода — что же, разъединила?

Да, разъединила, ответят мне, и это нормально. Сделала художника суверенной личностью или, по крайней мере, позволила ему стать. А вам что же, опять в общагу захотелось? Потянуло? В мир комсомольских собраний и публичных проработок?

Нет, конечно. И все-таки! Как хотите это называйте: публичностью, чувством цеховой общности, нездоровым интересом к ближнему, как угодно, — это было и слабостью нашей, и силой. Да и привычкой, что уж тут поделаешь. Живем в стране, где еще во времена Блока «за городом вырос пустынный квартал на почве болотной и зыбкой», и там, если помните, «жили поэты, и каждый встречал другого надменной улыбкой»...

Не знаю, как кому, а мне до боли не хватает сегодня этого моего опустевшего квартала. И союз — кинематографистов ли, писателей — любой, если на то пошло, для того только и нужен, единственно для того, чтобы я мог прийти и встретить там... ну, скажем, такого-то, если он еще не на Канарских островах...